

Лариса СИРОТКИНА, Серпухов

ОРЕНБУРГСКАЯ СТОРОНКА

Оренбургская сторона,
Где волной зерно шумит,
Где у мостика колонка,
Там родимый дом стоит.
Церкви синяя ограда
И часов старинных бой,
Беженцы из Ленинграда
Запрудили дом родной.
Эти давние виденья
С детства в памяти живут:
И фашистов нападенье,
Непоисанный женский труд.
«Все на фронт, для обороны!» -
Призывал военный год.
И под марш церковных звонов
Шел козыночный народ.
Машзавод ковал снаряды
И для танков лил броню,
Для фронтов, для Сталинграда,
В бой, за Родину свою!
Там, где пули сыплют градом,
От складов к передовой
Мой отец возил снаряды,
Вновь вступая в смертный бой.
И с горганным криком: «Еду!»
Обгоняя взрывы мин,
Добывал салют Победы,
Был такой он не один.
Вам, люди, не выдавшие войны,
С упорством вновь хочу сказать:
Пусть будет в жизни каждый шаг большим,
Судьбе своих отцов под стать.

ВОИНУ РОССИИ

(Капитану Цибу Валентину - внуку посвящая)

Что задумался, внук мой любимый,
Что сегодня тревожит тебя?
Может годы, что тают незримо,
Иль военная служба твоя?
Всё устроится, надо лишь верить
И любить всё, что стало судьбой.
Есть у счастья широкие двери,
В них войдешь и возьмешь нас с собой.
По-другому ты жить не умеешь,
Потому ты и форму надев,
Потому и себя не жалеешь,
Знаешь: есть на земле беспредель.
С ним бороться кому-нибудь надо,
Защищать стариков и детей.
И признание народа - награда,
Дань величия службы твоей.
Защищая Россию родную,
Продолжаешь праведовский путь,
Чтоб не смели враги на святую
Русь великую вновь посягнуть.

В БОЙ ХОДИЛИ

И стою в музее школьном,
В светлом зале тишина,
Лишь по сердцу режет болью
Стенд «Священная война».
Вот седа, в черной шали,
Грудью наклонясь вперед,
Мать, со взглядом тверже стали,
Снова в бой сынов зовет.
За Россию и за деток,
И за русскую красу,
За Победные букеты,
Их по жизни я несу.
В бой ходили за березы,
За пшеничные поля,
И за рек пречистых слезы,
За картинку Букваря.
Били мы фашистов войско
За Христову Русь свою
И за песню, что по-геройски
Поднимала нас в бою.
Да сильна ты, Русь, сынами,
Встанут все, лишь позови.
Над тобою реет знамя
С вечным факелом любви.

ГОВОРИТЕ ПРАВДУ О ВОЙНЕ...

Говорите правду о войне
И героям ставьтеobeliski.
Не погаси звёзды на Кремле!
В День Победы поклонитесь низко
Всем, кто умирал за красный флаг,
Всем, кто выжил и живёт поныне,
Всем, кто в сорок пятом брал рейхстаг.
И спасал чужих детей в Берлине.
Говорите правду о войне:
В страшной битве нам далась свобода.
Помнят пусть все люди на Земле
Ратный подвиг моего народа!

ВETERАНУ

Уверенной походкой
По жизни ты идёшь.
Судьбой твоею звонкой
Гордится молодёжь.
И орденские планки
Блестают на груди.
Ты в 20 лет подранком
Хрипел: «Вперед иди!»
И шёл, чтоб колосилась
В степях российских рожь,
Чтоб пелось и любилось,
Чтоб был твой дом хорош.
Чтоб небо было синим,
Чтоб тили подвиг твой,
И реал флаг России
У нас над головой.

НА ЛИРИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Каширский «Зодиак»

В каширское литературное объединение «Зодиак» входят люди разных возрастов, профессионалы и, разумеется, жизненного опыта. Возглавляет ЛИТО Татьяна Каминная – поэт и фотохудожник, лауреат конкурса «Семейный альбом» (РТВ-Подмосковье, 2008) и IV историко-музыкального фестиваля «Жемчужина России-2009». Всех объединяет преданность русской музе. Сказано это не для проформы – надо понимать организационные трудности работы подмосковных ЛИТО. Не все члены «Зодиака» живут в самой Кашире, добрая половина студийцев добирается на заседания из районной глубинки...

Степан ВАСИН

Четыре сотни лет родной Кашире
Дарил собор Успенский благодать.
От Богородицы про слёзы
в этом мире
Не мог Христос молитву
не принять.

Собор Успенья Матери построив,
Кресты подним над речкой голубой,
Не знали, что разрушат, опозорив,
Не верили... Христос всегда с тобой!
Наступит ли за варварство
прощенье?

Здесь каждый от проклятия устал.
С молитвы начинается спасенье.
Молиться начали – храм из руин
восстал!

Жива потребность в красоте.
И Мефистофель, гордый нравом,
В груди почувствует тоску.
Пот потечёт садовым варом
По расклеванному виску.
А ты, смущённая немного,
Сомкнув ресницы, прячешь взгляд.
Но каждому своя дорога,
Я был короткой встрече рад.

Евгений ЕФРЕМОВ

НЕ СПЕШИ

Не спеши захлопнуть дверь,
Оглянись сначала.
Не спеши – в себя поверь;
И не так бывало,

***

Российская гражданская война
Страшней любого ядерного
взрыва.
Убито тело, рухнула стена,
Любовь и вера сброшены с обрыва.
Российская гражданская война,
Ты быстро началась и покатилась.
Почти столетие крошится страна,
А ненависть в привычку

обратилась.
Российская гражданская война,
Ты проклята тобой пролитой
кровью.
Терпенье чаша – в ней не видно
дна,
Её наполнят верой и любовью.

Юрий ВОРОНИН

УЛОЧКА

Извивы улочки моей
Не изменяются с годами...
Я пацаном ходил по ней,
По милой улочке моей.
Мне клёны здесь кивают головами.
А сколько пышных свадеб,
тихих похорон
По ней проехало, промчалось,
прошагало...

Она, как честное зеркало,
Как связь нетленная времён.
Теперь моих морщин извивы
повторяет.

Ей мой поклон.

ЗАЧЕМ, ЛЮБИМАЯ?

Я слов твоих не понимаю.
Как на китайском языке...
Твоим словам я не внимаю,
Как будто слышу вдалеке...
Ты говоришь: «Пора расстаться».
Усталость, стыльность, след стыда...
«Не надо прошлого касаться,
Чтоб все забылось без следа».
Отказываясь от богатства,
Мы расстаеться насовсем.
Весною страшно расставаться.
Зачем, любимая, зачем!

Кирилл ЕМЕЛИН

Когда придет Мефистофель
Ко мне в карете золотой,
Я вдруг увижу дивный профиль
И вновь услышу голос твой.
Мы усомниться с ним не в силах
В твоей девичьей чистоте,
В сердцах бесчувственных
и стылых

Людмила БОНДАРЬ

Преданье старины, не столь далёкой

Грабили имение помещика Никанора Ивановича Тропинина. Тащили все: инкрустированную мебель, золотые подсвечники, посуду с купидонами, зеркала в кружевной оправе словенской кости. Из гардеробов валились вороха одежды, мехов.

Множество грубых сапог, опорок, лаптей давило, крушило, топтало остатки бывлой роскошной чужой и непонятной жизни. Под тяжестью ног, поскользнувшись на замызганном, недавно еще сиявшем блеском мастики паркете, хрустели куски тонкого фарфора, цветного с металлическими блестками венецианского стекла. Выпавшие из конвертов листки с гербовыми оттисками, засушенные фиалки, ангельский завиток младенческих волос – все безжалостно обнажало в дневном, беспощадном в своей откровенности свете, щедро изливавшемся сквозь голые с оборванными гардинами окна.

Мария с мужем сидели в светелке за столом. Она с печалью во взоре больших темных глаз недвижно смотрела перед собой. Иван, обхватив голову здоровенными ручищами, застыл в горьком молчании.

- Ой, че делается! Набежали! Тащут все че ни попадя. Мам, тятя, глядите!

Пятнадцатилетняя дворовая девчонка, родители которой служили у бар, сколько себя помнили – да и сама она – то в кухне толпалась, то в покоях прибиралась – побывала на разоре и соблазнилась-таки, прихватила кое-что из хоров барских. Всего-то: два хрустальных стаканчика в ажурных подстаканниках да цветочную вазу в оправе из двух оленьих фигурок, стоявших в остролыистой серебряной траве. Их высокие рога касались золоченых ветвей, обвивавших горловину, еще более подчеркивая рубиновую прозрачность стекла. Девочка, любящая изысканной вещицей, выше приподняла вазу. Солнечные лучи пронизали тонкое стекло и ярким светом упали на руку, которая оказалась Марии в этот миг будто в крови. Строго и скорбно взглянула она на дочь. Акулька сообразила, что своей добычей вызвала недовольство матери, и оторопело застыла посреди комнаты. Отец грохнул по столу кулачищем и вышел из хаты. Акулька отца не очень-то боялась – любимцей была.

Сильнее побоялась матери за ее неизменную приверженность к порядку и соблюдению церковных правил-заповедей, беспрекословное выполнение которых требовала и от дочери.

- Неси назад. Ни к чему нам это.

- Мам, хоть книжку-то оставлю?!
Она положила перед матерью книгу в кожаном переплете. Буквы поплыли в лицо – «Обрыв». Слово колынуло Марию в сердце. Холод разлился в груди. Она не представляла жизни своей без забот и радений Никанора Ивановича и супруги его Людмилы Никифоровны, которым обязана была своим благополучием и счастьем. Платила им за то усердной службой, пока не уехали они года два назад в Париж, наказав приглядывать за хозяйством. Теперь, когда случилось непоправимое и уже безвозвратное, все, что было добропорядочного, честного, богобоязненного, все ушло-улетело вместе с отбывшими за границу. Прошлое вспоминалось с особенной теплотой и молитвенной благодарностью. Это по их барскому благоволению ее сосватали с Иваном – ихним

Мы забудем про вкус кока-колы,
Про «фанерные» песни «попсы».
Станет Русь и красивой, и статной,
Свой очистит духовный исток.
И тогда с уважением Запад
Снова будет смотреть на Восток.

***

Нас обвенчали соловьи
В начале мая,
Но мы молчали о любви,
Всё понимая
И принимая наш порыв,
Как дар весенний,
Об осторожности забыв,
Об потрясениях.
А те уже лопались в дверь
Неумолимо.
И годы, полные потерь,
Прошли не мимо,
А прокатились по судьбе,
Круша, ломая...
Я вспоминаю о тебе
В начале мая.
И лишь теперь осознаю,
Что, слава Богу,
Мне помогла беда свою
Найти дорогу.
Я принимаю всё, поверь,
И свет, и тени...
Я поняла, что нет потерь

Только солнцу распахну окно!
Жизнь прожил и никому не верил,
Что вокруг так душно и темно.
Разве мы давно белили стены,
Разве низким был наш потолок?
Пред глазами призрачные тени
Тех, кто преждевременно умолк.
...Но беру я эти книги с полки,
Раскрываю и читаю вслух...
Господи! Мы, в сущности,
все волки,

Но собачий страх в нас и испуг.
Вот когда живем мы одиноко,
Ничего и никого в душе,
Здесь умеем мы за око – око!
Кто слепых не видел сторожей?
Кто не видел по оврагам шкуры,
Черные копыта и рога?
Это демократии посулы,
Как из ям помойных потроха...
Только ветру я открыю двери,
Только солнцу распахну окно!
Господи! Конечно, волки – звери,
Да ведь люди с ними заодно.

ДОРОЖНЫЙ МОТИВ

Осторожно, мой сын, осторожно!
Сапоги и ботинки скользят,
И когда на пути бездорожье,
Предают не враги, а друзья.

Извивы улочки моей
Не изменяются с годами...
Я пацаном ходил по ней,
По милой улочке моей

Фото Константина ХВАТОВА

Осторожно, мой сын, осторожно!
Потерять нам дорогу нельзя.
В этой жизни, блатной
и безбожной,
Предают не враги, а друзья.

Осторожно, мой сын, осторожно!
Нам досталась святая стезя,
Но в морозном бараке остром
Предают не враги, а друзья.

Андрей ТЕРНОВ

НЕ ЗАБЫВАЙ!

Трудно понять, что дороги трудны,
В сторону часто бросает.
Ты не один, мы не одни –
Помни же! Это спасает.

Как тяжело передать другим
То, что другие не знают.
Ты не один, мы не одни –
Помни же! Это спасает.

В жизни бывают черные дни,
Кажется, жизнь угасает.
Ты не один, мы не одни –
Помни же! Это спасает.

Анатолий ШАВЕЛИН-ЕЛИСЕЕВ

КОЛОКОЛА

Звонят, зовут, поют колокола
Над городом, над полем, над Окою,
И Божий мир так благостно спокоен;
То мирные звучат колокола.
А город мой на утренней заре
Возносится из легкого тумана,
И выплывает храмов панорама
И монастырь на той Фавор-горе.
Я словно слышу звон колоколов
Там, за рекой, где старая Кашира,
Мой Китеж-град – он в неоглядной шири –
Звывает к нам из глубины веков.
Уж минули лихие времена,
И, слава Богу, нет пути обратно,
Когда над городом тревожно и набатно
Скликалась рать на вражьи племена.
Гляжу на лес, на синий оёкём,
И даль зовет приветливо и властно.
А город мой сиренями обласкан
И ароматом яблок напоён.
Звонят, зовут, поют колокола
Над Родной моей и над Окою.
С надеждой и верою святою
В грядущее зовут колокола.

Без обретенный.

Александр ПИРЯЗЕВ

ТЕТЕРЕВА

Тетерева токуют на полянке,
А палец мой на спусковом крючке.
Но вспомнил вдруг, как
девушке-смуглянке
В любви я признавался по весне.
Она, потупив скромно взор,
стояла,
Свой беленький платочек теревя.
Я, тетерево хвост свой распуская,
Всюю пред ней «выпендривал» себя.
И я из своего скрадка поднялся
И, словно зачарованный, стоял.
Я ими очень долго любовался...
В тетеревах я больше не стрелял.

Анатолий ПРЯДКИН

ВОЛКИ

Беда людей всех рас и наций,
Я объясню без лишнего слов,
Не в недостатке ассигнаций –
В переизбытке шулеров.
Волки
Владимиру Солухину
Только ветру я открою двери,